

Житѣ
в присутствіи
Бога

АРХИМАНДРИТ
ЭМИЛИАН
(ВАФИДИС)

Архимандрит Эмилиан Вафидис

Жить в присутствии Бога

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55455941

Жить в присутствии Бога / Архимандрит Эмилиан Вафидис: Фонд

Традиция; Москва; 2020

ISBN 978-5-00152-047-4

Аннотация

Архимандрит Эмилиан (Вафидис, 1934–2019), великий старец наших дней, опытный подвижник и мудрый духовник, был настоятелем монастырей Преображения Господня в Великих Метеорах и Симонопетра на Святой Горе Афон, основателем и устройтелем женской обители в Ормилии (Халкидики). В новой книге представлены избранные изречения старца Эмилиана на самые важные темы: о Божественном Промысле и цели человеческой жизни, добродетелях и страстях, молитве и богослужении, о семейной жизни и красоте монашества, о наших отношениях с ближними. Живое и выразительное слово старца укрепляет и дает вдохновение для продолжения духовного пути. Следуя его советам, каждый несомненно сможет испытать истинную радость жизни в присутствии Бога.

Содержание

Предисловие священноархимандрита Елисея, настоятеля монастыря Симонопетра, Святая Гора	7
Часть I	16
Каждый человек призван к святости и бесстрастию	16
Достижимо ли совершенство?	26
Часть II	29
Всем управляет Бог	29
Бог ведет человека к Себе	33
Часть III	37
Свобода – обоюдоострый меч	37
Бог не отнимает у человека свободы	41
Свободны ли мы в том, чтобы изменять свои привычки?	44
Часть IV	47
Страх Божий – глава всех добродетелей	47
Покаяние	53
Покаяние – это познание Бога	53
Покаяние отверзает небесные двери	57
Наше произволение должно быть твердым	62
О слезах покаяния	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Архимандрит

Эмилиан (Вафидис)

Жить в присутствии Бога

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви

ИС P20-921-0801

© Ι.Κ.ΕΥΑΓΓΕΛΙΣΜΟΥ ΤΗΣ ΘΕΟΤΟΚΟΥ — ΟΡΜΥΛΙΑ
ΧΑΛΚΙΔΙΚΗΣ, 2005, 2008, 2011

© Перевод на русский язык. Александро-Невский Но-
во-Тихвинский женский монастырь, 2014, 2016, 2018

© Оформление, составление Фонд Традиция 2020

Предисловие

священноархимандрита

Елисея, настоятеля монастыря

Симонопетра, Святая Гора

Прежде всего, хотелось бы выразить глубокую признательность Высокопреосвященнейшему митрополиту Псковскому и Порховскому Тихону за благое и богоугодное начинание по изданию этой книги. Христиан русской земли отличает особая ревность по Богу и готовность слышать слово Божие, и потому мы уверены, что они с радостью восприимут эту духовную пищу и сладчайшее брашно для души.

Кроме того, хотелось бы поблагодарить игумению Домнику, настоятельницу священной Ново-Тихвинской обители в городе Екатеринбурге, вместе с ее сестрами, за предпринятый труд – перевод трудов старца Эмилиана. Ревность по Богу, трудолюбие, усердие, вдохновение и любовь – вот черты истинного монашеского подвига. Монахи превыше всего ставят любовь к Богу, Которого с горением взыскуют во внутренней священной клетке сердечной, стремясь открыть там присутствие Бога, сотворившего Себе обитель внутри нас. В целом движущей силой монашеской жизни, путем и желанной целью всех монахов является трезвение.

Именно трезвение может привести любого христианина к восхищению и глубокому благоговению перед трудами нашего блаженнопочившего старца Эмилиана, истинного делателя мистической жизни во Христе. Так и сестры Ново-Тихвинского монастыря всей душой стремятся усвоить смысл и дух слов старца, а также сообщить их ради назидания своим ближним, чтобы передать им дух радости, молитвы и упования на спасение, которым пронизаны слова святого старца.

Выпускаемый ныне сборник изречений, избранных из трех книг старца Эмилиана: «Толкование на подвижнические слова Айвы Исаии», «Благодатный путь», «Трезвенная жизнь и аскетические правила», переведенных и изданных сестрами ранее, является плодом их многолетнего труда и изучения писаний старца. Сборник включает в себя важные вопросы духовной и повседневной жизни, как практические, так и теоретические. Изречения старца Эмилиана представляют собой, можно так сказать, замечательный путеводитель и руководство для самопознания, для восхождения по лестнице добродетелей. Советам старца может следовать всякий христианин, совершая подвиг во имя освобождения от своего «я» и обретения свободы *чад Божиих* (Рим. 8, 21). В сборнике вы встретите советы о том, как подвизаться, живя в обществе и браке, а также о том, как идти по благодатному пути монашества. Советы старца послужат руководством в богослужбной и мистической жизни, в богопознании и богообщении.

Сборники изречений, или антологии, как доступные для понимания и удобные в обращении, всегда были любимым чтением народа – и в эллинистический, и в византийский период истории, а также и сегодня. Они представляют собой подлинное, неоценимое богатство и сами по себе являются миниатюрными шедеврами и произведениями искусства. В подобных сборниках удивительно лаконично сочетаются глубокий смысл и красота изложения, тонкая духовная пронизательность авторов и ослепительное сияние их духа.

Одним из первых в истории христианства подобных сборников была антология из произведений и отрывков Оригена, составленная святыми Василием Великим и Григорием Богословом. Свой сборник они называли «Добротолюбие», и с тех пор собрания текстов мистического богословия с таким названием доносят до нас сияние священного аскетического опыта преподобных отцов, осиянных Всесвятым и Просвещающим Духом.

Мы полагаем, что сборник изречений из трудов старца Эмилиана, несомненно, вызовет большой интерес у тех, кто только недавно познакомился с писаниями старца. Однако мы уверены, что он может принести пользу даже и тем, кто был непосредственным слушателем его вдохновенных бесед. Ведь и для тех, и для других в сборнике открывается такое сияние глубокого аскетического опыта старца, которое способно не только усладить душу, но и воспламенить ревность по Богу и окрылить дух, побуждая к покаянию и измене-

нию жизни и своих взглядов. С ностальгией вспоминаются нам беседы старца, начинавшиеся обыкновенно при заходе солнца, когда последние солнечные лучи освещали вершину Афона. Обсуждение, которое следовало за беседой, продолжалось уже под сияющими звездами небосвода, под приглушенные звуки рокотания потока у подножия Симонопетры.

Когда старец Эмилиан толковал нам писания святых отцов или житие какого-нибудь преподобного отца, он не ограничивался лишь разбираемым текстом, но затрагивал и многообразные темы повседневной жизни монастыря, жизни Церкви и всего мира, говорил о тонкостях деятельной и созерцательной жизни. В своих беседах старец, можно сказать, давал новую жизнь, воскрешал богатейшее наследие преподобных отцов IV века и последующих веков; он делал это наследие понятным и доступным для нас, людей XXI века. Старец с удивительной проницательностью комментировал святоотеческие тексты, знакомя нас с живым духовным преданием Церкви, а его меткие замечания служили прекрасным дополнением к словам святых отцов, раскрывали перед нами сокровенный опыт святых, бережно хранимый в сокровищницах Церкви.

Подобно всем святым и всем современным старцам Святой Горы, у старца не было какого-то «своего» учения, он не вносил новшеств. Как отмечает в своих писаниях приснопамятный старец Плакида (Дезей), единственное, что делал старец Эмилиан, – это передавал своим чадам бесценное

богатство, которое с первых дней монашества бережно хранится в Церкви. Святоотеческое учение приобретало в устах старца совершенно новую жизнь и непреходящую актуальность для его слушателей. Это не было каким-то формальным повторением. Старец выражал в своих беседах тот опыт богообщения, который он сам приобрел: все в них свидетельствовало об удивительной гармонии между словом старца и святоотеческими творениями. Слово отца Эмилиана обращено ко всем, потому что духовная жизнь едина и все люди – и отрекшиеся от мира, и живущие в миру – стремятся к одной цели и имеют в своем распоряжении те же самые средства, помогающие достигнуть спасения. Разница заключается лишь в том, что мирской человек, погруженный в разнообразные обстоятельства мирской жизни и современной действительности, не может подвизаться в той же мере, что и монах.

Но почему же старец так настойчиво пытался донести до нас важность живой, личной передачи евангельского и святоотеческого слова? Потому что, как он утверждал, слово – это семя, которое зачинает жизнь. Почти в каждой беседе он снова и снова возвращался к значению живого слова и говорил нам примерно так: «Живоносное, то есть опытное, слово придает душе силы, ограждает от вредных влияний сердце, является средством, которое может дать верующему силы к победе. Верующий жив тогда, когда у него есть божественное слово. Добродетель бывает там, где есть слово. Слово при-

ближает Бога к тебе, и даже сами буквы словес – это таинство, скрывающее в себе Бога. Поэтому Сын Божий, Бог Слово, глаголет, что не хлебом единым жив человек, но, прежде всего, словом. Можно прожить без хлеба, но без слова нет жизни!»

Можно задаться и другим вопросом: почему старец Эмилиан придавал такое значение множеству деталей, дополнительных смыслов в тексте, обращался к богатству греческого языка, этимологическому значению слов и исходя из этого обнаруживал все новые и новые смыслы? Дело в том, что он всегда желал раскрыть сущность вещи, проникнуть в ее дух, исследовать глубины человеческой души и ее побуждений. И Святой Дух просветил старца, он стал настоящим знатоком человеческой души, тайных и явных ее страстей, их тончайших движений, вольных или невольных. И потому старец открыто говорит о порабощении человека своему «я», объясняет это на примерах из повседневной жизни, что приводит слушателя к внутренним откровениям и исповеди перед самим собой. Человек познаёт самого себя и принимает себя таким, какой он есть. Именно это самопознание становится стимулом, толчком для восхождения человека горé, дает возможность приобщиться и соединиться с Богом, с радостью и полной отдачей обратиться к Нему все свои устремления.

Наверное, не будет преувеличением сказать, что старец Эмилиан «глубоко изучил человеческую душу и проник в

тайны Самого Божества» (так сам он однажды охарактеризовал преподобного Исихия Иерусалимского), и писания старца, – в особенности тщательно подобранные по темам, как в этом сборнике, – это глаголы, исполненные особого вдохновения и силы, необыкновенной глубины, редкой богословской ясности и точности, проникновения и прозрения; они сочетают в себе традиционность Предания с авторской самобытностью, любовь и приверженность закону Божию со свободой Божией благодати; даруют дух радости и надежду на спасение в жизненном подвиге и на крестном пути. Дух же спасения, по пророку, зачинается словом (См. Ис. 26, 18). Напомним также такие слова старца: «Богу не нужны наши сетования и причитания, Он хочет, чтобы мы были радостными, мирными, чтобы славословили Его с ликованием и любовью».

Еще раз благодарим владыку Тихона (Шевкунова) и издательство «Вольный Странник», а также сестринство Ново-Тихвинского монастыря и приветствуем с большой радостью и похвалой выход в свет этой прекрасной во всех отношениях книги.

И если читатели, погружаясь в море смыслов мудрых и живых слов старца Эмилиана, ощутят в своем сердце мир и радость, ревность по Богу и любовь к Нему; если в их душах возрастет вера и укрепится упование на Царствие Божие, – тогда это будет самой лучшей данью памяти блаженнопочившего старца Эмилиана, наилучшей наградой за тру-

ды всем работавшим над этой книгой и наибольшим уверен-
нием в том, что Бог Слово – это путь, истина, жизнь и Вос-
кресение.

И, наконец, желаем, чтобы у этой замечательной книги
нашлось много читателей, которые с любовью примут слово
старца, так чтобы уже отныне оказаться зваными к освяще-
нию и ко вселению в обители нашего Небесного Отца.

Часть I

Цель христианской жизни

**Каждый человек призван
к святости и бесстрастию**

Каждый человек призван к святости, к тому, чтобы вести жизнь нерассеянную, уединенную и сосредоточенную, потому что только так можно стать святым. Все святые были заняты одним только Богом и тем, что может привести их к святости, все остальное их не интересовало, не привлекало

их внимания и не трогало их сердца. Все святые стремились только к Богу и святости и достигли желаемого [3, 244]¹.

Бесстрашие – это преддверие истинной жизни в Духе, путеводитель к Богу. Все мы призваны к бесстрастию. Если Бог не может сделать нас бесстрастными, тогда что значит Его всемогущество? Тогда напрасно был распят Христос, напрасно Он живет и действует в нашем сердце, а точнее сказать, тогда сила Божия не действует в нас. Если мы видим, что не имеем бесстрастия, то сами виноваты в этом: это значит, что мы еще не возлюбили Бога по-настоящему, мы пока мертвы для Бога, потому что не погрузились всецело в воды духовного крещения.

¹ www.vsbook.ru

В народе есть такое поверье, что если при крещении младенца какая-то часть его тела не была погружена в воду, в ней водворяются демоны и делают младенца бесноватым или больным. Здесь выражено убеждение народа в том, что человек должен полностью погрузиться в Бога. Страстность человека говорит о том, что он еще находится во власти демонов, которые полностью управляют им; он еще не погрузился всем своим существом в воды бессмертия и божественной любви, не привлек к себе благоволение Божие. Если бы привлек, то стал бы бесстрастным.

Наверное, кто-нибудь удивится: «Неужели и я могу стать бесстрастным?» Конечно! А иначе ради кого пришел в мир Христос? Не ради ли меня и тебя, и всех нас, призванных быть Его апостолами? Быть бесстрастными – наш долг, иначе мы бесчестим Самого Бога. И не нужно думать, что и в страстном состоянии мы можем быть духовно сильны и близки к Богу. Если, не освободившись еще от страстей, мы и переживаем какие-то духовные состояния, то они непрочны, и завтра мы можем оказаться ни с чем.

Если в нас действуют страсти и греховные наклонности, это значит, что в нас еще живо внутреннее стремление к греху, что опасность таится внутри нас и подстерегает нас на каждом шагу, отчего мы с легкостью впадаем в грехи. Змей гнездится в самом нашем сердце, а не прячется где-то в траве, как было в древности в Эдемском саду. Мы еще не стали чадами Божиими, не возродились духовно, не сделались до-

стойными любви Небесного Отца. Если же мы стяжали бесстрастие, то тем самым показываем, что почитаем Бога и желаем быть Его подлинными чадами.

Хотя моя страстность доставляет мне одни беды, тем не менее я сам не могу избавиться от нее, бесстрастие дарует мне Бог, это не мое достижение. И в самом деле, могу ли я искоренить в себе страсть? Конечно, я могу воздерживаться от пустословия, осуждения, молчать, когда меня бьют, смиренно преклонять главу, когда меня обижают, не отстаивать своих прав. Но победить страсть не в моих силах. Ведь для этого нужно вырвать ее из сердца, а сердце – это глубочайшая бездна, куда проникнуть может только Бог, мои руки для этого слишком коротки. Только Бог, пребывающий везде – и на вершинах гор, и в глубине морей и океанов, и в моем собственном сердце, – может даровать мне бесстрастие. Я должен только захотеть и искренне попросить, потому что, как говорит брат Божий Иаков, вы не получаете, ибо неправильно просите (см. Иак. 4, 3). Если же я прошу правильно и искренне, то все остальное в руках Божиих.

Нет ничего доступнее для нас, чем бесстрастие, а мы, подобно некоторым еретикам, думаем, что оно для нас недостижимо и невозможно. Здесь видны происки сатаны, которому удалось извратить наши мысли и сознание, удалось подрезать нам крылья, убедив нас в том, что мы никогда не станем бесстрастными. Так мы остаемся в рабстве у своей плоти и у сатаны. Напротив, как только мы всем сердцем ис-

поведем, что Бог призвал каждого из нас к бесстрастию, это сразу изменяет всю нашу жизнь: душа преисполняется надежды и райского веселия, мы чувствуем внутренний простор и свободу.

Такова наша православная вера, таково святоотеческое учение, таково подлинное христианское сознание. Почему же происходит с нами это изменение? Потому что мы начинаем осознавать, что мы, сквернейшие из всех людей, можем стать непорочными и преподобными, стоит только нам захотеть и попросить у Бога. Вы спросите: «А что если Бог потребует от меня десять, двадцать, тридцать или даже семьдесят лет подвига?» Но что такое семьдесят лет в сравнении с уготованной нам вечностью? Всего лишь дым, сон [3, 246–248].

Блажен тот, кто достиг чистоты и бесстрастия в настоя-

щей жизни и в чьей душе не найдется никакого следа, оставленного врагами.

Человек, не стяжавший мира и бесстрастия в этой жизни, достоин сожаления. Внутри него бушуют инстинкты, бесчинствуют грехи против нравственности или грехи, происходящие от слабого произволения, такие как леность, тяга ко сну, чревоугодие. Ясно, что сон – это грех произволения, потому что тот, кто хочет, спит, а тот, кто хочет, бодрствует. Человек, который спит без меры, – как бы и не человек, он будто не живет, не думает, не действует. Из глубин человека восстает ад, который так страшен, что поражаешься глубине падения человека, образа Божия.

Напротив, тот, кто достигает чистоты и бесстрастия, пребывает в радости, ликования, спокойствии.

Некоторые смотрят на бесстрастие как на что-то очень страшное и трудное. Это особый бес всеми способами внушает нам подобное чувство – и у нас опускаются руки. Но именно для бесстрастия мы созданы Богом. Трудно ли вырасти колосьям из зерен пшеницы, которые ты сеешь? Для нас непостижимо то, как это происходит, но для Бога это очень легко. Ты сеешь и уходишь, всю зиму отдыхаешь, а пшеница всходит сама по себе. «Земля сама собой дает плод», – говорится в притче Господней (см. Мк. 4, 26–28). А как мы воспринимаем всё это, как ощущаем, как переживаем? Как нечто крайне трудное! [1, 369–370].

Уму необходимо быть глухим к внушениям страстей. Стань глухим к тому, что говорят тебе страсти. Чтобы достичь бесстрастия, необходима такая борьба и соблюдение стольких условий, что хотя мы и говорим, что будем все это исполнять, но на самом деле никогда на это не решаемся. Ведь нам это дорого обойдется, и потому мы на это не соглашаемся. Например, я принимаю решение спать на полу и тут же слышу внутренний голос: «Ты так спать не сможешь: повороchaешься на своей подстилке, помучаешься час-другой, а потом будешь вынужден долго отсыпаться, чтобы восполнить потерянный сон, тогда как на кровати ты сразу уснешь и тебе хватит двух часов». Эта мысль кажется здоровой, но на самом деле нам ее подсказывает наша страсть.

У тебя болит желудок. И снова ты слышишь тот же голос: «Нужно полечиться. Ты тратишь время на свой желудок, за-

боятся о нем, почему бы не посвятить это время Богу? Сделай операцию – и после ты будешь готов все свое время отдавать Богу. Кроме того, деньги, которые ты тратишь на лекарства, ты отдашь нищим». Снова проявляется страсть человека, желающего жить без боли.

Я устал и говорю: «Выпью-ка немного вина, чтобы взбодриться». На самом деле хочет моя страсть, чтобы я выпил вина, а не здоровье того требует. Так что все, о чем я думаю, чем живу, что люблю, к чему стремлюсь, может быть веле-нием страстей.

Я молюсь два, три, четыре раза, но Бог не отвечает мне, во мне не происходит никаких изменений, у меня нет радости, и я говорю: «Может быть, надо уже прекратить?» Эту мысль мне внушает страсть славолубия. Если я придам хоть малейшее значение своему помыслу, то он продолжит: «Да, не исключено, что правы те, кто говорят, что Бога нет. Впрочем, нет, это слишком, Бог есть. Но вот те, которые утверждают, что Бог трансцендентен и не имеет никакой связи с человеком, правы». Все это тебе кажется вполне естественным, но на самом деле ты становишься добычей помысла, точнее, лукавого демона, страсти.

Страсть может проявиться в любой момент. Давайте будем ее выявлять, чтобы знать, откуда начинается то, что с нами происходит. А начинаем мы видеть внутри себя страсти тогда, когда молчим и не вступаем с ними в разговоры [1, 228–229].

Допустим, меня обуревают скверные помыслы. Подходит какой-то посетитель монастыря и спрашивает: «Отче, правда ли, что монах может достичь состояния бесстрастия?» Если я из-за своего отвратительного душевного состояния отвечу ему: «Несчастный! Да не верь ты ничему этому!» – в этот момент не одна, а тысяча молний должна ударить в мою голову. Ведь посетитель пришел узнать не о том, какое у меня искушение, а о том, что́ говорит Церковь, Христос, о чем свидетельствует мой монашеский образ. Так что в моих словах – предательство. Мое внутреннее состояние не соответствует моему истинному призванию. А мое призвание – это пребывание одесную Отца, куда возвел меня Сам Христос [2, 303].

#

Достижимо ли совершенство?

Обычно люди считают совершенство недостижимым. Конечно, любой человек, когда говорит о совершенстве и духовной жизни, признаёт, что это к нему относится, что это его цель. Но мало кто верит, что действительно может достичь совершенства. В миру, например, бывает так: человек отрекается от греха, но потом продолжает жить в грехе, среди попечений, среди терний, о которых говорится в евангельской притче (см. Мф. 13, 7. 22). Он только протянет руку к совершенству, как тут же отдергивает ее назад, потому что не может терпеть колючих терний. Но в монашеской, повседневной жизни совершенство легко достижимо.

Желание совершенства бывает соединено с тщеславием у

тех людей, которые избегают труда и которых занимает лишь размышление о том, что Бог даст им, а что – другим людям, причем они ропщут на Бога, почему это Он другим дает, а им нет. Тщеславный человек смотрит на результаты, а смиренный – на труд.

Стремление к совершенству – это не искание тщетной славы и не одна лишь надежда достичь желаемого в будущем. Совершенство не запретная зона, куда стремишься и не можешь попасть. Оно ощутимо переживается на опыте, но при этом остается предметом священным и божественным. Совершенство, духовная жизнь – это Сам Бог [2, 179–180].

Беда каждой христианской души в том, что она «оставляет свою первую любовь» (см. Откр. 2, 4) и, подобно человеку, у которого от сильного удара кружится голова и который не

знает, куда идет, совсем забывает о совершенстве. А ведь совершенство является главной целью христианина, в особенности это касается монахов. Монахи иногда так увлекаются самыми разными вопросами, что не могут помнить еще и о совершенстве. Если бы они о нем помнили, то должны были бы оставить все, о чем думают, что говорят и делают. Если ты не позаботишься о совершенстве, то твой труд будет напрасным, пропадет.

Человеку нечего дать Богу, потому что всё – Божий дар. Человек приносит Богу только свой дневной и ночной труд. И он должен приносить его целым, то есть труд должен быть продуктивным, истинным, совершенным, плодотворным. Труд свидетельствует о любви сердца или же о забвении Бога. Через труд человек выражает свое покаяние, благодарение, жажду Бога или же делает явным то, что он увлечен миром и теряет время из-за своей теплохладной жизни [1, 349].

#

Часть II

О Божественном Промысле

Всем управляет Бог

Мы ничего не делаем сами по себе: даже нашими желаниями и подвигами, нашими бдениями и самыми простыми занятиями управляет Бог, а мы – орудия в Его руках. Потому нам нечего принести Богу в благодарность за свое спасение. От Господа и все наши мысли, всё берет начало в Боге, совершается Богом и заканчивается в Боге, Который соединяет в Себе всё – в Нем Едином заключается всё [3, 34].

Грех не может быть препятствием для любви Бога и Его премудрого Промысла. Напротив, грех в конечном счете может приблизить грешника к Царствию Небесному, ввести его в рай, если он покается и действительно возлюбит Бога, подобно евангельскому разбойнику и блуднице. Но и человеческая добродетель не имеет достоинства сама по себе, она являет собой лишь слабый отблеск безмерной любви Божией к человеку, Его неустанного промысления о нем, Его Божественной щедрости.

Если у меня есть какая-то добродетель, талант, если я поступаю по совести, то все это от Бога, дар Божий. Но в сравнении с праведностью Христа, Пресвятой Богородицы и святых моя добродетель все равно что темное пятно, она ничтожна в глазах Божиих. Так что ни мой грех, ни моя пра-

ведность не имеют сущности, потому что человеческая праведность – это лишь смутное отражение праведности Божией, а грех – только отсутствие добра [3, 232].

Даже от Бога мы не должны ожидать справедливого отношения к себе. Как правило, по нашему мнению справедливо одно, а по суду Божию – другое. Поэтому мы и заключаем, что Бог нас не помнит, забыл про нас. Как часто мы упрекаем Бога: «Для чего Ты меня оставил?» Но по-настоящему справедливым оказывается то, о чем мы никогда не думали, а то, что мы считаем справедливым, – это самая большая ошибка [2, 201].

Мы не можем жаловаться на то, что Бог чего-то не дает кому-либо из нас или всем нам. Милость Божия безмерна, и Он дает нам все. Все наши достижения исходят от Бога. Может ли бесплодная родить или способная к деторождению быть уверенной, что родит? Но когда Бог того желает, рожают и бесплодные. Наша молитва, намерение сделать что-то хорошее – тоже действие Божией благодати. Да и наше знание, интеллектуальное или сердечное, соответствующее человеческим силам, на самом деле – действие Божие, через которое Бог открывается нам [2, 202].

#

Бог ведет человека к Себе

Божественный Промысл, которому ведомо все, может и совершить все, не отнимая при этом у человека свободной воли. Только одно невозможно для всемогущей Божией десницы – одолеть человеческую волю. Но если человек делает над собой самое малое усилие, склоняя свою волю к добру, Бог сразу помогает ему, если только тот всецело предает себя Промыслу Божию.

Удивительно, до какой степени промышляет Бог о человеке! Как близко Он приникает к нему, словно делаясь самим этим человеком! Как Он склоняется над душой и стремится обратить ей на пользу любую ее наклонность, только бы избавить ее от вечной смерти, привести в единение с Со-

бой. Бог сотворил человека для Себя и ведет его к Себе всеми возможными способами, используя в первую очередь то, что человеку близко. Бог знает его образ мыслей и обращается к нему на языке, хорошо знакомом ему с детства, так, как говорили с ним его отец и мать [3, 28].

Бог не творит чудес видимых, но призывает нас к Себе очень просто, через различные житейские обстоятельства и скорби. Обращенное к Аврааму слово Божие: *Пойди из земли твоей, от родства твоего* (Быт. 12, 1) – есть слово пророческое, предсказание, данное всем людям на все времена. Бог призывает к Себе весь человеческий род. После падения человек стал рабом греха, предался тлению, которому оказалось подвластно и все творение, обреченное «стенать и мучиться даже донныне» (см. Рим. 8, 22), – но Бог призывает

человека к Себе. Раз и навсегда Он поместил его на Своем полотне (см. Деян. 10, 11; 11, 5), в Своей Церкви², чтобы сделать его Своим.

Здесь скрывается таинство Божие. Бог, как некий Ловец, стремится уловить душу человека и привлечь ее к Себе, а человек, сам того не подозревая, всю свою жизнь легкомысленно играет в игру. Ведь кроме искания Бога все прочее, что бы человек ни делал, есть игра, и опасная игра, так как даже малейшее увлечение вызывает у него привязанность и любовь к этому миру, отчего сердце и ум человека разлучаются с Богом [3, 32].

² По мнению авторитетных толкователей, полотно вместе с заключенными в нем животными, явленное в видении апостолу Петру, предзнаменовало собою Церковь Христову, состоящую из бывших язычников (см.: *Барсов М. В.* Деяния святых апостолов: толкования и руководство к изучению. М., 2003. С. 401). – *Пер.*

Бог сотворил человека не для страданий, не для искушений, не для тяжкого труда, не для того, чтобы сокрушить Свое создание, но для того, чтобы даровать ему полноту божественного мира, привести его к обожению [3, 172–173].

#

Часть III

Свобода человеческой воли

Свобода – обоюдоострый меч

Бог создал нас не для рабства, Он создал нас для свободы, для той свободы, *которую даровал нам Христос* (Гал. 5, 1). Однако свобода – это обоюдоострый меч, она ведет нас или в рай, или в ад. Свобода – это чувствительнейшие весы, показывающие, любим мы Бога или нет. Ведь человек может перемениться за одно мгновение: только что он был ангелом и вдруг превращается в демона.

Свобода позволяет нам добровольно избрать добро и затем, посвятив себя Богу, стяжать Божественную благодать. Человек Божий не может жить без свободы, но для него эта свобода заключается в том, что он добровольно предает всего себя Богу, порабощает Ему все свое существо [3, 210–211].

Глубинная воля человека каждый день приобретает все новые и новые формы, отклоняется, принимает разные направления, и, таким образом, одна воля кажется множеством волей. Каждый день человек может жить с иной волей или тысячью волей, то есть пожеланий. Но всего одного хотения, пожелания достаточно для того, чтобы у тебя не было Бога. А что будет, если у тебя их тысяча?

По этой причине в конечном счете борьба у нас идет с на-

шей собственной волей. Наше уподобление Богу совершается не иначе, как через отождествление нашей воли с волей Божией. Намерение осуществить это, наше твердое произволение, стремление к этому приближает к нам Бога. Нам нужно иметь такое сердце, которое бы приняло решение, что оно никогда не остановит борьбу против самого себя. Борьба против демонов, против страстей, греха, безнравственности, воровства, ненависти – вообще любая борьба на самом деле совершается против самих себя [1, 436–437].

Воля человека, его произволение, от которого зависит, будет ли он духовно свободным или поработит себя греху, это некое внутреннее стремление, находящееся в глубине нашей души, подобно уходящему вглубь земли корню. Такое стремление обычно называют расположением. Оно представляет

собой устремленность к чему-то, намерение, которое человеку предстоит сознательно принять и усвоить себе, после чего оно как бы облекается в плоть, обретает бытие. Когда у человека нет расположения к чему-то, то, как ни старайся, ты не сможешь пробудить в нем интерес к этому.

Например, если ты начнешь говорить человеку, нерасположенному к духовной жизни, о любви Божией, о том, что Христос пролил Свою Кровь и был распят за него, его это нисколько не тронет. Другой родился в христианской семье, но с юного возраста стал предаваться греху, жить в беззаконии. Говори ему сколько хочешь о красоте девства, он ничего не поймет. Твои слова не найдут никакого отклика в его душе, никаких точек соприкосновения. Поэтому расположение можно назвать отправным пунктом, началом и корнем, из которого в дальнейшем должно произойти желание и решение исполнить это желание [3, 226–227].

#

Бог не отнимает у человека свободы

Идет время, я достигаю зрелости, и вот, наблюдая за собой, я вижу, что похож на коня, блуждающего там и сям, потому что у него нет хозяина, который бы им управлял. Кто находит этого коня, садится на него и после того, как поедит на нем сколько хочет, отпускает его, и его ловит другой, когда увидит, что он бродит один по дорогам и пустынным местам». Эти замечательные слова аввы Исаии показывают нам, до чего доводит человека грех.

Человек создан свободным, а грех сделал его ни на что не годным, искалечил, превратил в духовного евнуха, лишил его даже малейшей, так сказать, возможности управлять самим собой, овладел его личностью. Таким образом, человек

думает одно, хочет другого, а делает третье, как говорит апостол Павел. И в конце концов он становится блуждающим конем и ни сам не может владеть собой, ни другой не может им распоряжаться, потому что никто не в силах лишить его самовластия. Он похож на потерпевшего кораблекрушение человека, которого волны страстей и демонских стремлений одна за другой бьют изнутри и снаружи и несут куда захотят. И в особенности, когда человек думает, что сейчас он чего-то хочет, это оказывается именно тем, чего он не хочет. И когда он совершает что-то в уверенности, что действует самостоятельно, тогда скрывающийся в траве змей – демон, страсть, что-то подсознательное – толкает его к гибели.

Так человек становится бесноватым, скитающимся по пустыне. Бог не может ему помочь, потому что не отнимает у человека дара самовластия, который дал ему, пусть этот человек и не пользуется им как должно. Бог дал человеку дар, который Он никогда не возьмет обратно, не может отнять этот дар и кто-то другой. Ты можешь плакать о человеке, страдать, молиться о нем, умолять его, падая ему в ноги. Но если он сам не захочет встать, если не будет иметь внутреннего побуждения, горячего расположения к этому, если он не возжелает освободиться от власти греха – единственного владыки, который им управляет, – то ты не сможешь сделать для него совершенно ничего. Твои слезы, труды, страдания – все пропадет даром. Если уж крест Самого Христа не может помочь ему, то тем более человек. Ничтожные по-

пытки собрата не помогут ему стать выше себя самого [1, 254–255].

#

Свободны ли мы в том, чтобы изменять свои привычки?

Есть такая поговорка: «Привычка – вторая натура», что она означает? По существу, в этой поговорке два смысла. Прежде всего, мы, люди, так сильно любим свои привычки, что не хотим от них отказаться. Нельзя говорить, что привычки не меняются. Мы сами любим свои привычки, всячески их защищаем, жить без них не можем: скорее согласимся умереть, чем расстаться хоть с одной своей слабостью. Понаблюдаем за собой: если кто-то захочет повлиять на наше мнение или суждение, изменить заведенный нами обычай, мы немедленно начнем раздражаться. Мы теряем мир-

ное расположение духа, потому что любим свои привычки, а не потому что не можем себя изменить. Но неужели ложно слово Священного Писания, которое утверждает, что и престарелый Никодим, и кто угодно другой может измениться, родившись снова в Крещении? *Сердце новое* дает нам Бог, – возглашает пророк (Иез. 36, 26), дает новую жизнь нашему уму, внутреннему существу, и так мы обновляемся с каждым днем (см. 2 Кор. 4, 16). Значит, человек способен измениться.

Каждый человек обладает теми или иными душевными свойствами. От природы человек бывает общительным, вялым, сообразительным, простодушным, живым, серьезным, с теми или иными достоинствами или недостатками. Конечно, в человеке могут происходить перемены, например, какие-то черты его характера совершенствуются, проявляются в большей или меньшей степени. Но полной их перемены не бывает. Душевные свойства – дар Божий. Они помогают нам преуспеть и, обращенные на служение Богу, привлекают к нам Его благодать.

Говоря о неизменяемости человеческих привычек, мы подразумеваем или то, что люди сами не хотят меняться, или то, что речь идет о неизменяемых природных свойствах человека. На пути нашей духовной жизни эти свойства нам не препятствуют. Они – поле, которое мы должны возделывать. Будем заботиться не о том, чтобы их изменить, а о том, чтобы приносить их на служение Богу. Я принесу свою радость, ты

– сообразительность, другой – образованность. Но все наши способности, какими бы хорошими они ни были, – ничто, а потому я должен приносить их Богу, осознавая, что приношу всего лишь сор. Только так я могу преуспевать в жизни по Богу.

Привычки, в особенности духовные, не меняются только потому, что мы сами этого не хотим. Мы «пришиваем» их к нашей душе той самой, упоминаемой в Евангелии, огромной иглой, в которую пройдет «верблюд» – толстая веревка, канат нашей воли.

И поскольку мы знаем, что человеку измениться крайне трудно, то будем поступать мудро – не будем желать изменять других, но станем меняться сами [3, 77–79].

#

Часть IV

Добродетели

Страх Божий – глава всех добродетелей

У новонаначального нет ощущения сладости и красоты Бога. Это для него пока что мечта, сновидение, а вот страх Божий может быть у всякого. Всякая душа чувствует, сколь велик и страшен Бог. Всякого человека охватывает трепет, когда он думает о неприступности и небесном величии Бога.

Нет человека, который не боялся бы Бога в трудный момент своей жизни, даже в том случае, если он кажется неверующим.

Имеется в виду, конечно, не вложенный в природу человека страх, но добровольный страх любви, благоговейный трепет перед Богом. И когда мы говорим о том, что страх Божий есть у всякого человека, то имеем в виду чувство величия Бога, перед Которым не может остаться в живых никакая плоть (см. Втор. 5, 26) [1, 43].

Страх Божий – это главнейшая добродетель, соединяющая нас с Богом. Услышав какой-то шум, ты пугаешься. Затаив дыхание, останавливаешься и слушаешь не шелохнувшись, стараясь понять, что происходит. Страх заставляет тебя всецело обратиться в слух. Итак, если начало всех грехов

– это общение с демоном, то глава всех добродетелей – страх Божий, который означает, что я прекращаю всякую деятельность и взираю на Бога с таким благоговейным страхом, что не смею даже шелохнуться [1, 511–512].

Когда человек приобретает страх Божий в непорочности, то есть из чистых побуждений и с действительной любовью, то этот страх рождает в нем добродетели и отсекает поросли порока.

Так что если ты хочешь отсечь грехи, то не говори, как это делают некоторые: «Все, я решил больше не гневаться» – или: «Я обещаю отныне не лгать», но приобрети страх Божий [1, 511–512].

Может быть, страх – это состояние новоначальных: он нужен только для того, чтобы привести нас к любви? Ведь *любовь изгоняет страх* (1 Ин. 4, 18).

Конечно, страх Божий – это некое начальное состояние, поскольку, как говорит мудрый Соломон: *Начало премудрости – страх Господень* (Притч. 1, 7), но это не значит, что у страха есть конец. Священное Писание говорит, что совершенная любовь изгоняет страх, но имеется в виду не тот страх, который являет собой начало премудрости, а тот, который происходит от вражды, от отсутствия как дерзновения, так и доброй совести. Если я возлюбил Бога, то я преклоняю голову, отдаюсь Ему в рабство и приобретаю дерзновение.

Таким образом, выражение «страх Божий» может обозначать разные понятия. Страх этот означает, если можно так

сказать, содрогание моего сердца перед страшным Богом: я ощущаю, что Он опасен для меня, Он палач, каратель, и я не знаю, что делать; дрожу от страха, как дрожали Адам и Ева: «Убоялись и скрылись», – говорит Священное Писание. Любовь уничтожает такой страх (см. Быт. 3, 8 и 10).

Любовь – это дерзновение, и она уничтожает страх человека, не имеющего дерзновения. Страх – это обращение человека к Богу, чувство величия и святости Его, жажда этого столь великого и святого Бога, моего собственного Бога. Вот такой страх – «начало премудрости».

Слова «начало премудрости – страх Господень» не означают, что для того, чтобы приобрести мудрость, вначале нужен страх. Под «началом» здесь имеется в виду то же самое, что и «глава», «начало всего», та основа, которая тебе совершенно необходима и без которой ничего не существует. Страх Господень – это неперемное условие духовной жизни. Как только человек его теряет, тут же нарушается его связь с Богом. Начало Божества – Отец. Можете себе представить Сына без Отца? Нелепость! Начало творения – Иисус Христос. Можно ли представить творение без Иисуса Христа? Точно так же невозможно представить духовную жизнь без страха, о котором говорит авва Исаия или учительные книги Ветхого Завета и святые отцы.

Значит, слова «любовь изгоняет страх» имеют другой смысл и означают, что любовь уничтожает смущение. Поэтому авва Исаия говорит: «Стяжи страх – и проведешь всю

свою жизнь в спокойствии». Обещаю тебе, ты не будешь бояться смущений совести, у тебя не будет бури помыслов, искушений, потрясений, ты будешь в безопасности, будешь ходить «в премудрости». Премудрость – это Сам Бог. Итак, страх Божий – начало премудрости, начало существования Бога в твоей жизни, начало твоей связи с Ним, нечто соединяющее тебя с Богом. Ты соединяешься с Богом, если боишься Бога, если думаешь о Боге, если обращаешься к Богу. «Стяжи» страх Божий, сделай его своим достоянием, решительно этого пожелай.

Конечно, есть множество способов стяжать страх Божий: безмолвие, устранение от попечений, бегство от суеты, бледность, избрание Царства вместо тьмы, проявление любви к людям, исповедь, даже если у тебя нет покаяния. Все это приводит к страху Божию, но прежде всего к нему приводит жизнь, которую ты проводишь в плаче, жизнь серьезная, воздержанная, с чувством, что Бог находится перед тобой. Каждый миг своей жизни веди себя так, как если бы ты стоял пред Богом и Его видел. Пусть твое предстояние пред Ним будет постоянным, не будь переменчивым, колеблющимся, неустойчивым. Так твоя воля постепенно укрепляется, развивается, и страх Божий, то есть особое расположение и действие воли, становится твоим неотъемлемым достоянием [1, 550–552].

#

Покаяние

Покаяние – это познание Бога

Что такое настоящее покаяние? Конечно, это не просто сожаление о том, что я сказал или сделал. Глагол «каяться» означает, что мой ум продвигается и входит в селение Царства Небесного³. После того как я уничтожил грех глубоким покаянием, то есть вхождением в недра Божества, я обнаруживаю внутри себя глубину своего падения, недра и глубины своей падшей природы, все то, что совершается внутри меня помимо моего согласия, чувства и сознания.

³ Греческий глагол μετανοῶ («каяться») буквально означает изменение, или передвижение, перемену ума. – *Пер.*

Покаяние – это молниеносное действие ума, внутреннего человека, которое происходит от общения с Богом. Таким образом, покаяние – это познание Бога, постижение Его таинств, раскрытие перед нашим взором благодати, любви, смирения, «мирности» Божией. Это вкушение сладости Божества, Божественной жизни и энергии.

Когда человек внутренне становится причастником жизни Божией, тогда стрелы лукавого, как и всякие другие стрелы, уже не могут войти в него через помыслы, потому что внутреннее пространство человека полностью напоечно Божеством, Духом Божиим, Божественными энергиями. Невозможно греху проникнуть в рай. Если в нас может проникнуть помысел, то, значит, туда проник и грех.

Предполагается, стало быть, что покаявшийся человек – тот, кто познал, что значит убегать от греха, – причастен Божественной природе и его сердце услаждается, чувствует такое сродство с миром Царства Небесного, что всецело предается этому миру. Когда ты сидишь на солнце, то его лучи постоянно освещают тебя и ты не можешь быть затемненным. Точно так же и в описанном благодатном состоянии ты исполнен Божеством, и стрела помысла или какого-либо греха не может в тебя войти [1, 495–496].

Покаяние означает, что мой ум вмещает в себя Бога и оказывается к Нему все ближе и ближе, мое общение с Богом становится все теснее, мое единство с Ним все время возрастает. Подобно тому как Христос, будучи Человеком, преуспевал в премудрости и знании (см. Лк. 2, 52), и мы преуспеваем в познании Бога и общении с Ним, все больше приобретаем Бога, все больше напитываем Им свой ум и сердце, устранимся от всякого попечения, забываем обо всем постороннем и только Бог приводит нас в трепет. Когда ночью ты внезапно видишь молнию, то пугаешься, забываешь, о чем говорил, из рук падает то, что ты держал, а если пьешь воду, то давишься и начинаешь кашлять. Человеку нужно испытать нечто подобное, возжелать этого: он должен онеметь от благоговейного ужаса пред Богом. И вот тогда можно будет сказать, что он покался и возлюбил Бога [1, 555].

«Берегись, как бы твой помысел не был прельщен воспоминанием прежних грехов и они не возобновились в твоей душе», – наставляет преподобный Антоний Великий.

Грехи ближнего напоминают нам о наших собственных грехах, но мы должны стараться их не вспоминать, чтобы не повторять. Человек, любящий Бога, не падает в тот грех, в котором покался. Мы вспоминаем свои грехи в том случае, если не благоговеем пред Богом и каемся неискренне. Например, если ты с сожалением исповедался в том, что огорчил своего брата, а затем огорчаешь кого-то другого, то это означает, что ты не покался, но просто насмехаешься над Богом. Возможно, ты скажешь, что брат поставил тебя в трудное положение. Но что значит «поставить в трудное положение»? Брат спровоцировал тебя, потому что он раз-

дражительный, упрямый, эгоистичный, злой. Ты это знаешь. Покаяться означает принять во внимание характер брата и, следовательно, знать, как себя с ним вести [2, 153].

Покаяние отверзает небесные двери

Как правило, людям трудно осознать, что такое покаяние, потому что это понятие имеет очень глубокое содержание. О покаянии говорят все христиане, но никто из них в конечном счете не уверен, покался ли он: все спрашивают снова и снова, как можно покаяться. Покаяние – это единственный ключ, который отверзает небесные двери, врата мира и причастия свету, это вход в лоно Отца, это самая радостная весть и самое легкое дело в жизни человека.

Невозможно, чтобы Бог возложил на наши души тяжкое бремя. То, что Он постоянно говорит о покаянии всем верным, и новоначальным и совершенным, означает, что покаяние – это хотя и нечто весьма глубокое, но одновременно и нечто простое. Оно, можно сказать, создано для всякой души, даже для души малого ребенка.

Но поскольку люди задаются вопросом, что такое покаяние, из-за того, что лукавый все извратил, Церковь всячески старается пролить свет на это понятие, так чтобы когда-нибудь, став чуть поумнее, мы смогли осознанно посмотреть на свою жизнь, желания, волю и покаяться.

Известно, что человек понимает только то, что хочет по-

нять и к чему он стремится. Что бы другое ты ему ни сказал, его это не тронет. Даже если ты заговоришь с ним о самых высоких дарованиях, он останется безучастным. Только если тебе удастся коснуться того, что его занимает, его глаза тут же широко раскроются и он поймет (как он будет считать) смысл твоих слов [1, 491–492].

Покаяние – это дар Божий, но его исходной точкой является наша воля. «Покайтесь» означает: сокрушите самих себя, свою плоть, дух, душу, чтобы привлечь Божественную благодать. Только если будет сокрушена индивидуальность человека – не уникальность творения Божия, но противодействующая Богу воля, – только тогда можно прийти к покаянию. Я все время усиливаю свое воздержание и умножаю слезы, чтобы показать Богу, насколько я черств и нераска-

ян. А если я этого не делаю, тогда мой голос не поднимается выше потолка моей комнаты, тогда я ничего не достигаю. Нечестивый, стоит ему только понять, что он грешник, может тотчас получить помощь от Бога, и его молитва взойдет на небо. Но молитва благочестивого, который еще не осознал ужасающую черствость своего сердца и свою исключительную нераскаянность, не поднимется выше земли. Даже если все святые прострут руки к небу, они не смогут вознести на небеса молитву этого человека, не смогут ему помочь [2, 280–281].

Согласно святым отцам, даже самый развращенный человек, как только скажет: *Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче, я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим* (Лк. 15, 18–19), сразу всту-

пает на путь очищения и за относительно короткое время его сердце очищается и восходит на небеса. Если же у него это не получается, значит, он этого не хочет, а хочет оставаться во власти недозволенных желаний, которые он оправдывает [2, 321–322].

Господь силен спасти погибшее. Что значат слова: «Пришел спасти погибшее» (см. Лк. 19, 10)? Это значит, что нет человека, который не может спастись; лишь бы он сам этого хотел. Беда в том, что он этого не желает. Но мы с вами должны быть радостными и мирными, потому что любой человек может завтра стать жителем Царства Небесного. Низко пала человеческая природа, но Богу легко восставить ее, стоит только человеку пролить одну слезу или произнести в час смертный или на кресте: *Боже! Будь милостив ко мне,*

грешнику! (Лк. 18, 13) Не будем этого забывать [2, 335–336].

Небо больше радуется об одном грешнике кающемся, чем о тысяче праведных. Вся праведность наша как одежда нечистой женщины. Церковь использует самую неприятную и отталкивающую картину из жизни женщины, чтобы показать нам цену нашей праведности в очах Божиих. Вся наша праведность – размером с булавочную головку. Куда уж ей достать до неба! Только покаянная слеза может подняться до небес. Если мы полагаем, что есть грешники большие и малые, то мы заблуждаемся. Нет такого деления. Малейший грех в сравнении со святостью великого и славного Бога огромен. И поскольку Бог безграничен, безграничен и самый малый наш грех. Иными словами, нет чего-то малого или малейшего – все пред Богом огромно [2, 336–337].

Наше произволение должно быть твердым

Вы должны понять, что не можете одновременно каяться и грешить, не можете, падая, подниматься. Да, человеческая природа падает и восстает, но, несмотря на это, нельзя направлять свою волю то туда, то сюда, нельзя оставлять контроль над собой по какой бы то ни было причине или поводу, потому что человек, что бы он ни делал, всегда оправдает это в полной мере: он настолько сам себя извинит, что и тебя полностью убедит в том, что его поступок совершенно правилен и иначе поступить он просто не мог. Однако же знай, что ты не можешь размышлять и говорить о покаянии, если не стоишь твердо на пути жизни. Прими решение: или ты на пути смерти, или на пути жизни. Твое произволение не может быть направлено одновременно и туда и сюда [1, 493–494].

Нераскаянному грешнику спастись весьма непросто. Разве что Бог попустит ему крайние страдания вплоть до мученичества или сподобит его покаяться перед смертью. Бог, да и вообще вся наша Церковь, старается использовать для нашего спасения все: даже наше ложное покаяние и те слова, которые мы от своего эгоизма произносим про себя, в сердце. Проблема не в том, что у Бога недостает любви и милости, а в нашей собственной бесчувственности, в том, что наше сердце становится твердейшим камнем, который невозможно разбить. Вся полнота милости Божией не может разбить этого камня – нашей нераскаянности. Мы остаемся верными своим страстям, любимым, приятным и вожделенным для нас. Однако Господь говорит: «Покайтесь, *доколе можно говорить: „ныне“*» (см. Евр. 3, 13) [2, 173–174].

Бесплотные враги каждый день насмеваются надо мной, подобно малым детям, развлекающимся с птицами. В духовной жизни я чувствую себя воробышком, которого мальчишка привязал за лапку и временами ослабляет нить, – птица думает, что освободилась, и пытается взлететь, но как только мальчишка увидит, что воробышек вспорхнул, он тут же тянет за нитку и возвращает его на землю.

Этот пример подчеркивает ту мысль, что все наши старания оканчиваются ничем, если мы не освободимся внутренне, если наше мнение, желание, бытие не освободится от тяжести нашего «я». Столь немощны наши попытки и желание приблизиться к Богу, мы столь легко забываем свои стремления, решения и мечты, что они оказываются слабее тонкой бечевки, которой отрок привязывает воробья.

И правда, если мы внимательно всмотримся в свое жела-

ние духовно обновиться, покаяться, измениться, то увидим, что оно продолжается не дни или часы, а несколько минут. В тот самый момент, когда мы принимаем решение измениться, какая-нибудь страсть может низвести нас до адových глубин [1, 259–260].

О слезах покаяния

Обычно мы, поскольку у нас в душе не все в порядке, плачем не от раскаяния в грехах, а по иным побуждениям, сокрытым глубоко внутри нас. Не зная, однако, этой правды, мы думаем, что плачем о своих грехах. Поэтому святые отцы советуют нам быть радостными, даже если мы согрешили: как только мы попросим у Бога прощения, душа тотчас получит облегчение. Мы должны, конечно, плакать о своих грехах, но при этом подразумевается, что мы эти грехи уже оставили. Ведь человек, который кается подобно Давиду, всегда имеет ощущение непорочности и чистоты. А Давид плакал о своих грехах всю жизнь, после того как осознал их, исповедал и прекратил грешить. Мы убеждаемся в этом, читая Ветхий Завет.

Итак, только тот, кто кается и разрывает всякую связь с грехом, может оплакивать свои грехи. Если же человек плачет несмотря на то, что он не покался, не прекратил грех и даже не намеревается его прекратить, то он обманывает себя и Бога. В этом случае плач равносителен нераскаянности.

Невозможно, чтобы я, скажем, совершал прелюбодеяние или сплетничал и при этом плакал. Если я сплетничаю, то мне необходимо оставить эту дурную привычку. И когда я ее оставляю и докажу, что я уже окреп настолько, что не позволяю другому вовлечь меня в сплетни, и затем продержусь достаточное время, тогда я смогу оплакать свой страшный грех. Апостол Павел до самой своей смерти признавался, что он был гонителем христиан. Но он был им лишь краткое время, а впоследствии постоянно умножал число верных в Церкви, пополняя ее новообращенными христианами. Однако же апостол оплакивал свой грех всю жизнь, потому что покался и стал первенствующим среди последователей Единого.

Мы говорим о подлинном покаянии, которое ведет к плачу о грехах. Этот плач – результат подлинного обновления ума, сердца и образа жизни человека. Но когда плач сентиментален или происходит от чувства своего одиночества либо неполноценности, тогда он обременяет душу, угнетает ее, губит и доводит до того, что она становится неспособной к покаянию. Даже огорчение из-за греха вновь ведет к греху. Мы должны понять, что означает оплакивать свои грехи, должны знать, каким бывает настоящий плач. Плач, не предваряемый покаянием, – это явный признак того, что я еще не собираюсь каяться. Я не собираюсь оставить грехи, потому что, предаваясь плачу, я все-таки продолжаю жить по-прежнему.

Человек должен постоянно иметь перед умственным взором свои грехи. Наши грехи – это некий труп: перед нами будто лежит мертвец. Если мы всегда мысленно видим перед собой труп своего греха, это нам помогает. Как душа, выйдя из тела и поднявшись над ним, может видеть его лежащим на постели, так и мы должны видеть самый настоящий труп, обломок смерти, изуродованный бульдозером греха, должны видеть свои грехи и плакать над ними, как над мертвецом.

Однако обычно мы стремимся отыскать согрешающего подобно нам, чтобы облегчить себе бремя ответственности, или находим объяснение своим грехам, или ссылаемся как на причину их на свои обязанности, от которых не можем уклониться. Почему это происходит? Просто-напросто потому, что мы не решились оплакать свой грех, как мертвеца. Мы не решились запретить греху вновь в нас воскреснуть: он нам нужен, он нам нравится, он нас улаждает. Как черви любят труп, так и мы любим свои трупы, грехи, и боимся, как бы нас совсем не лишили права вновь их совершить. Мы готовы понести даже новую епитимию, но только не оставить свой грех.

Когда святые отцы советуют нам днем и ночью оплакивать свои грехи, они не имеют в виду, что человек должен быть подавлен, что духовная скорбь должна сокрушать его. Истинно духовное состояние не может отнимать радость. Не принимаются в нашей Церкви слезы без радости. Следовательно, когда мы видим в себе огорчение, беспокойство, тре-

вогу, затруднение, тогда будем уклоняться от плача, потому что не о таком плаче говорится в настоящем правиле. Слезы о своих грехах предполагают, во-первых, великую радость. Состояние нашего сердца при них таково, что к нам приходят и от нас исходят только радостные мысли. Во-вторых, предполагается, что мы исповедались и прекратили грешить.

Впрочем, есть некоторые исключения. Кто-то, скажем, легко раздражается, а потом кается и плачет. Потом опять раздражается, кается и снова плачет. Такой человек некоторое время пребывает в подвиге, но за это время он должен выяснить причины страсти, увидеть ее последствия, чтобы избавиться от нее.

Значит, плач начинается лишь с того момента, как я приступаю к покаянию. И плачу я не для того, чтобы получить отпущение грехов, но чтобы выразить свою благодарность Богу, Который изменил меня Своей десницей. Я плачу, свидетельствуя об освобождении и ликовании своего сердца, воспевая Богу победную песнь. Я приношу свои слезы как благодарственную жертву. Слезы вместе с Божественной Евхаристией и молитвой Иисусовой – самые благоприятные жертвы пред Богом. Такие слезы заключают в себе сладость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.